

Александр ДОРОШЕНКО

Привоз

"Если дать волю базару, он перекинется в город, и город обретет шерстью..."

Ненасытен и жаден Привоз! Тяжело воро-
чаюсь грузным своим телом, сыто урча, он
перемалывает безостановочно нескончаемые
потоки еды, одежды, обуви, покупателей, про-
давцов... Он расплзается во все стороны,
совсем недавно он перешагнул уличное
пространство Новошестого ряда, вырвав ку-
сок площади Трамвайного депо, и перепрыг-
нул-таки Екатерининскую, сначала утвердив-
шись там зданием нового Универмага, как
плацдармом, и окружил его рядами нового
вещевого рынка. По всей линии Пантелеймо-
новской улицы он выстроил новые бастионы
своих Торговых рядов с гигантскими Арками
въездов (как открытые ненасытные рты глядят
они во все стороны света, хищные, плотояд-
ные, они дрожат от желания и ненасытной
злости и завывают, и втягивают в себя город...) и
замкнул это каре по Преображенской. Он
наступает на Город, его манит городская сто-
рона Пантелеймоновской улицы, он уже рас-
ставил там свои ларьки и прилавки и даже ор-
ганизовал целый птичий базарчик с детским
нескончаемым писком цыплят и утят¹...

На картинке моей детской книжки так кор-
мили лилипуты Гулливера, бочонок вина был
для него маленькой рюмкой, целые туши бы-
ков и баранов были ломтиками, нескончаемое
море корзин и бочек окружало обеденный
стол Лемюэля Гулливера (в мире лилипутов
все было им соразмерно и ничто не было рас-
считано на гулливеров!).

(По боковой стороне старого "Фруктового
пассажа" два магазина: КСП им. Ленина и
КСП им. Дзержинского, рядом, прижавшись
плечами, как в былые времена, в обороне от
всего окружения — но сразу за ними — ка-
фе-бар "Шик" — так проходит земная слава,
так великие замыслы становятся темой
анекдотов...)

Ненасытное чрево Города. Все здесь сме-
шалось — нескончаемые ряды прилавков,
овощные, рыбные, мясные, колбасные, фрукто-
вые, горы зелени и колониальных товаров,
ларьки с одеждой из Франции и Австралии,
мешки сахара ("Сахар-сухой-чистый-слад-
кий!") и муки, картошки и лука, фургоны с обу-
вью и бюстгальтерами, немые божжи и да-
мы в роскошных (базарных) одеждах (ведь
здесь можно встретить знакомых), грузчики с
низкими и широкими тачками и протяжным
повторяемым криком: "Па-берегись!!!" или
"Ноги!-Ноги!-Ноги!!!"...

"А, чтоб тебя! Таки наехал..."

Смешанный запах колчменностей, кофе и
апелсина...

Пирамидами из веников окружил себя спе-
циалист вечного дела, добродушный мужик
с обвисшими от выпитого усами, он выгляды-
вает из этого колющего гнезда, как любопыт-

¹ Он всюю обрастает шерстью, наш Город,
кроме старых базаров и рынков есть гигант-
ский "7-ой километр", тень Города, "Малина",
"Выставочный центр на Среднефонтанской"
у вокзала, китайский рынок и ветнамский,
строительные и автомобильные рынки, город
становится оптовой и перевалочной торго-
вой базой для всего юга Европы и славянско-
го мира. Но Город и был построен на торгов-
ле — зерном (Прим. автора).

ный хомяк, и усы у него такого же раститель-
ного цвета, как продукция. Смотрят на тебя
глазки-бусинки изумленно... и не понимают
уже вопроса...

Горы рыбы, раков, рачков, прельстительные
и тошнотворные запахи идут волнами, сменяя
друг друга, многоголось торг, суета тыся-
чной толпы, и посреди этой толчей продавец
счастья — кассетной музыки, — над толпой и
рыбными рядами льется женский голос, неж-
ный, тоскующий о любви!

"Крысы, мыши, яд (я-а-а-д!) смертель-
ный", — выпевает женщина посреди прохода,
и в руках у нее множество подозрительных
цветом пакетиков (эта фраза, неустанно ею
повторяемая, имеет форму интонационной
дуги, и на самой вершине призывное слово
"яд!"; это похоже на арию Козловского).

"Макултура-Политилен" — и очередь бом-
жей с мешками и вязанками остонов от коро-
бок (коробки почему-то все от бананов, на них
пальмы, полоса прибора — все, что прибило-
сь к этим берегам). Но где-то далеко, на остро-
вах Карибского моря, стоят сейчас эти коро-
левские пальмы, вырастая прямо из прибреж-
ного песка, а море там небываемого цвета, и
каждой волне, прибежавшей к берегу, пальма
наклоняет свои расчесанные на африканский
манер кудри, и насмешливо что-то ей говорит,
пытаясь пригладить растрепавшиеся гребеш-
ки пены...

"Хоты-доги", — англоязычное слово в рус-
ском падеже и изложении лиц кавказской на-
циональности. Их ларьки стоят на каждом углу,
там есть еще "шаурма" и восточная музыка.

Внезапно тебя охватывает пьянящий аро-
мат русской бани — березовые и дубовые ве-
ники висят на канатах, сплошной стеной, куд-
рями книзу. Прав был Кустодиев, к нашей ба-
не нужна русская красавица — и если бы Ру-
бенс, считавший себя в этом деле знатоком,
увидел его "русскую Венеру", он понял бы
простую истину: красоты не бывает много!

Кафе-бар "Рубанок" в составе "Центра ал-
когольных напитков".

Открытая жаровня посреди толпы, и в жар-
овне кувуркаются пирожки в кипящем мас-
ле. Рядом магазин, и уборщица прямо с поро-
га вытряхивает коврик. Женщина-торговка в
белом фартуке делает утренний макияж, стоя
рядом с мусорным баком:

"Так они жили —
губы красили,
а шею не мыли..."²

Верица лиц, видов, обычаев, предложен-
ный — вернисаж на Привозе: дама курит "При-
му" и продает занавески из Парижа; обмен-
ный пункт, маленькое окошко в стене, забран-
ное глухой решеткой, и только узенькая щель
оставлена внизу для делового общения — ту-
да горизонтально зеленый доллар, назад —
пачка грязно-розовых бумажек, и разгля-
деть, кто там живет, в этом окошке, невозмож-
но; спящий божж, и перед ним так и не про-
данный примус; мрачный по какой-то причине
и малоразговорчивый мужик продает маслом
писанный портрет последнего российского
государя в родной золоченой раме и на во-
прос о стоимости, отворачиваясь от сдержи-
ваемой надежды, в которую сам не верит, го-

² Любимая поговорка моей мамы в мой
адрес, назидательного характера, из чего я
заключаю, что маме хотелось иметь девочку,
а получились два сына.

ворит: "Двадцать, — и после нависшей паузы
добавляет недовольно: — долларов"; рядом в
полном аккурате разложены ранец, штыковая
лопата, круговая обойма патронов, шмайсер с
проеденным ржавчиной дулом, железный
крест и тевтонский формой шлем — все, что
осталось в полях под Городом от немецкого
солдата (это постоянный продавец, и ему
можно заказывать вещи, он роет, он археолог,
он из тех, кто любит историю и ворошит непо-
гребенные кости, а погибший солдат был ро-
мантический юноша из города Оснабрюка и
писал стихи под Гендерлина и Рильке...); на-
польные весы прямо среди толпы, и можно
проверить свой вес — 15 копеек (для худень-
кой жены предлагается за 10, а для ее мужа
пузана — за 25); календари на обшарпанной
стене с Аллой Пугачевой в кудряшках и кем-то
безымянным с роскошным голым задом:

"Рафаэль с Буонаротти —
ни черта на обороте
Пролетарии всех стран
маршируют в ресторан".

Вера Мухина представлена гранеными ста-
канами, последними осколками уходящей
эпохи (бытует легенда, что вая из нержавеющей
стали стали рабочего и крестьянку и перебирая
символы времени, Вера отобрала серп и мо-
лот и создала им в комплект этот символ на-
шей незабвенной эпохи — граненый двухсот-
граммовый стакан, он должен был там стоять
на пьедестале, но Суслов вмешался...).

Перед каждым контейнером, открытым к
проходу, стоит стул, на нем мягкая подстилка,
на ней заслуженно отдыхает контейнерный
кот. Ох уж эти... ну всюду пролезу!

И между всем этим бурно кипящим людским
морем, сидящими параллельными рядами
продавцами, идущими между ними в остав-
ленном узком проходе покупателями, собаками,
невесты с какой целью, но вполне по-
деловому куда-то спешащими и всегда успеваю-
щими при встрече переругаться друг с другом
или обнюхаться, среди всего этого броуно-
вского мятежа носится бегом упитанная жен-
щина с тачанкой, с ящиком, в котором (это
она приговаривает на ходу) все есть: водочка,
копьяк, чай (с лимончиком, чай-каракаде), ко-
фе (холодный и горячий), пирожки со всем, с
чем они бывают... Все чисто-опрятно, по-се-
мейному, с салфетками и одноразовыми ста-
канчиками и даже трубочками для коктейля...
И все продавцы ее накоротке знают, окликают
по имени — "Нюся"...
Кипит торг...

По пути домой, обогнув треугольник биб-
лотечного здания (народной читальни) на
площади треугольной же, облегающей это
здание формы (так перчатка тонкой и хоро-
шей выделки кожи повторяет форму руки и
изгибы кисти и пальцев), пройдя по раскален-
ному от солнца Книжному переулку с тяжелен-
ными базарными сумками, на самом углу
Большой Арнаутской, неподалеку и справа от
перекрестка, можно нырнуть в прохладную
тишину бара "Шкипер" и, приоткрыв сумки у
ножки дубовой тяжести и основательности
стола, сесть на скамью и положить руки на вы-
скобленную чистоту его поверхности. Стены
бара убранны флагами неведомых стран, якоря
запутались в рыболовных снастях, и окна за-
драенных иллюминаторов вздрагивают под
ударами волн — качиваясь на боковой волне,
плывет он в мировом океане... Как Ковчег,
посланный нам для спасения в мире, где уже
не осталось тверди для наших ног.
(Человек не ходит пить пиво в случайное
место. Как и в любви, как во всем сокровенно
важном, в выборе предпочтений здесь не бу-
дет никаких общих правил. Есть множество
чистых пивных баров, где не хуже пиво, где
есть и закуски, и чистенькие столики, и вежли-
вые официанты — и где не бывает людей. Это
хорошо понимал Йозеф Швейк, когда договар-
ивался с сапером Водичкой о встрече
в шесть часов вечера после войны в пивной "У

чаша" на Боиште, где всегда есть великопо-
повицкое пиво — и девочки там тоже быва-
ют, добавил он для верности, чтобы старый сапер
Водичка наверх не пришел. Их разводил в
разные стороны караул и, удаляясь друг от
друга, друзья перекинулись:

— Швейк! Швейк! Какое "У чаши" пиво?

Как эхо, отозвался ответ Швейка:

— Великопоповицкое!

— А я думал, смиховское! — кричал издали
сапер Водичка.

— Там и девочки есть! — вопил Швейк.

— Так, значит, после войны в шесть часов
вечера! — орал Водичка.

— Приходи лучше в половине седьмого, на
случай, если запоздаю! — ответил Швейк.

И еще раз донесся издали голос Водички:

— А в шесть прийти не сможешь?!

— Ладно, приду в шесть! — услышал Водич-
ка голос удаляющегося товарища.

Так различились храбрый солдат Швейк и
старый сапер Водичка. "Друзья в минуту рас-
ставанья / С надеждой шепчут "До свиданья".

В приведенном этом отрывке Мастер
проявился в самой последней фразе, в пере-
кличке друзей — в уточнении старого сапера:
"А в шесть прийти не сможешь?!")

А на капитанской стойке там... такое... на
этой толстенной из мореного дуба выгесан-
ной в начале самом времен стойке (остав-
шейся от обшивки Ноева ковчега, и только из
этих досок следует делать стойку пивного ба-
ра!) — там лежат пунцовые от стыда раки (и у
каждого такая изящная талия, как бывает
только у совсем молоденькой девушки, такая,
что хочется ей, привстав на носки туфелек, на
самый кончик хвоста, вздохнуть полной гру-
дью — чтобы надышаться воздухом, самым-
самым сладким в жизни), и тянутся во все сто-
роны их огромные угрозой вздувшиеся клеш-
ни, и огурчики всех трех размеров и четырех
степеней твердости, и маринованные поми-
доры, вид которых вызывает жажду, и плывет
в масле крупная бочковая маслина, и скользят
куда-то горы креветок, но и пирожки только
здесь делающиеся, с пылу с жару, еще шипя-
щие злобно маслом, с тончайшими стенками,
начиненные картошкой и капустой, но и яйцом
с зеленью начиненные тоже, и в плоском суд-
ке поместилась жареная рыба в твердой ко-
ролке запекшейся шкурки, а под ней тающая
во рту мягкость, нежность и букет которой срод-
ни только тютчевским стихам...

(Только к нашему холоду приложима эта
поэтическая вольность параллели — к нежно-
сти холода, пронзенной огненной свирепос-
тью хрена...)

"Давненько вас не было" — скажет, рас-
плывшись в довольной улыбке, бармен (доб-
родушной горой возвышается он над стойкой,
весом в центнер и с могучей шириной плеч;
одновременно он улыбается тебе, отдает ука-
зание за спину, на кухню, обсуждает с клиен-
тами в зале спортивную передачу на экра-
не висающего под потолком телевизора и — все
видит, все понимает и все может разрешить
этой своей улыбкой), и станет понятным, что
только тебя и именно тебя так долго ожидали в
этом прохладном баре...

Так устойчиво станет перед тобой первая
кружка пива, она успокоительно тяжела, и в
ней холод и вкус жизни, вкус предстоящего
выходного дня. Сейчас еще утренняя тишина
воскресенья. Ломтик ветчины, ноздреватый
овечий сыр... Собака грызет косточку, лежа на
прохладных плитках пола.

Жара, тишина, уют... глоток ледяного пива...
нега... ленивотекущая мысль об отложенной
дома работе, которая — подождет!

(Ленивотекущая мысль, — наверное, я где-
то это стаянул, и похоже на Гомера с Гнедичем,
у которых на двоих был только один зрячий
глаз, и вполне хватало, чтобы увидеть не уви-
денное великой массой зрячих, а впрочем, кто
станет сегодня сверяться...)

Нега, это если к пиву красные раки, а если
пиво с воблой — это не нега, это — лепота!)

